

История философии, 30. Томас Гоббс.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, Томас Гоббс. Обратите внимание, что я хочу представить Гоббса, рассказав о его мотивах. И это важно для многих философов, но, думаю, особенно для Гоббса.

В этом семестре я посвятил все свое время исследованиям, изучая исключительно труды Бэкона и Гоббса, а также вторичные материалы о них. И чем глубже я погружался в литературу о Гоббсе, тем больше понимал, что его мотивация определяет не только то, что он думает, но и то, как он это излагает. Обратите внимание, что он родился в 1588 году.

И любой из вас, кто знаком с английской историей, знает, что это был день испанской Армады. Более того, в одном месте он сообщает, что родился недоношенным, потому что его мать очень испугалась, когда увидела Армаду, что само по себе довольно печальный способ появиться на свет. И, прожив до начала XVII века, он пережил Английскую гражданскую войну в 1640-х годах.

В этой политической суматохе он оставался роялистом, но выступал против божественного права королей, которое, конечно же, являлось основанием для абсолютной власти монарха. И поэтому, без этого основания для власти, ему приходится бороться с вопросом: а на каком основании существует политическая власть, если не на этом? Более того, он пережил конфликты, войну с Испанией и Английскую гражданскую войну. Он убеждается, что люди по своей природе, придя в этот мир, не готовы жить в обществе.

Так или иначе, нам нужно найти основу для установления закона, порядка и мира в естественных условиях, где эти условия, как он выражается, представляют собой войну всех против всех. Естественное состояние человека таково, что жизнь отвратительна, коротка и жестока. Что ж, у него пессимистический взгляд на человеческую природу, пессимистический взгляд на человеческое состояние.

Таким образом, ему нужна не только основа для политической власти, но и некая основа, на которой возможны социальный порядок, определенная степень гармонии и, безусловно, самосохранение. Теперь добавьте к этому религиозные конфликты, которые лежали в основе как войны с Испанией, так и конфликта с монархией в Гражданской войне. Симпатии Гоббса были на стороне того, что иногда называют широкой церковью, латитудинарианской традицией в англиканской церкви того времени.

В этой широкой церкви постоянно предпринимались попытки избежать религиозных конфликтов, избежать церковной власти, которая могла бы стать источником преследования меньшинств. Он хотел избежать сектантства. Теперь вспомните, что своего рода вакуум власти, эпистемологический вакуум, оставшийся после распада средневекового синтеза и протестантской Реформации, как будто вел именно к сектантским конфликтам, к своего рода индивидуализму, нетерпимому к другим.

И Гоббс чрезвычайно стремится этого избежать. Поэтому в этой широкой церковной традиции его взгляд на отношения церкви и государства по сути является эрастианским. То есть, помимо основных минимумов очень широкой христианской веры, которые подтверждали бы божественность Христа, его искупительное деяние, помимо подобных основ, он был доволен тем, что предоставил властям право решать, что должно быть подтверждено церковью.

Следовательно, государственная церковь, государственная церковь, в которой правительственная власть устанавливает детали, а не оставляет это на усмотрение отдельных лиц и межконфессиональных споров, которые могут только нарушить мир, вызвать хаос, анархию и так далее. Именно на этом фоне политических конфликтов, религиозных конфликтов, насилия и эрастианского отношения к церкви и государству Томас Гоббс подходит к своим философским работам совершенно независимо от философии, которой он известен. Он сам был своего рода фигурой эпохи Возрождения, очень интересовался Платоном и занимался комментариями и переводами платоновских трудов.

Он был частью английского Возрождения. Некоторое время он был секретарем Фрэнсиса Бэкона и, безусловно, ценил эмпирический, индуктивный подход Бэкона к науке. Но он не был полностью удовлетворен этим.

Следовательно, для понимания того, что он делает, необходимы как мотив, так и метод. Он считал индуктивные методы Бэкона упрощенными. По сути, все, что делает Бэкон, — это определяет определенные постоянные конъюнкции, как их стали называть позже, определенные закономерности, которые мы можем использовать в применении научных знаний.

Но это не даёт всестороннего теоретического понимания, которое могло бы послужить основой для чего? Для понимания человеческой личности, человеческого поведения и политического порядка. Поэтому он так или иначе хочет совершить переход от эмпирической науки к развитию этики и политической философии. И как это сделать? Что ж, он находит ключ в научном методе, истоки которого восходят к Галилею.

Я хотел сказать, что он его разработал, но я в этом не уверен. Но, по крайней мере, его происхождение связывают с Галилео. Метод реконструкции, как его называют.

Метод реконструкции. Иными словами, если при анализе природных процессов, физических объектов, человеческих тел мы проводим вскрытие, анализ, этого недостаточно. Нам необходимо реконструировать полученные данные в каком-либо понятном, рациональном порядке.

Таким образом, исходя из общих обобщений эмпирической науки, мы можем дедуктивно сделать дальнейшие выводы. По сути, он призывает к использованию эмпирических посылок. Эмпирические обобщения как посылки.

Эмпирические предпосылки, затем дедуктивные выводы, ведущие к дальнейшим заключениям. Таким образом, общая схема, которая в итоге получается, имеет логическую форму дедуктивной системы, подобной той, что мы находим, например, в математике и геометрии. Именно в этом отношении Декарт произвел впечатление на Гоббса.

Как мы уже упоминали (и мы увидим это позже), Декарт хотел заниматься философией, используя математический метод. Поэтому его первоначальный скептицизм — это всего лишь методологический приём, позволяющий ему выявить и отбросить всё, что в принципе может быть подвергнуто сомнению. Таким образом, он может определить то, что является совершенно несомненным, вне всякого сомнения, полностью аксиоматичным и самоочевидным.

Таким образом, Декарт хотел начать, так сказать, с аксиом, как это делал Евклид, и постепенно перейти к развитию своей системы. Гоббс же не является рационалистом, верящим в априорное знание, являющееся аксиоматическим. Гоббс — эмпирист.

Поэтому он не может начать с аксиом; он должен начать с индуктивных обобщений. Но его впечатляет дедуктивный метод Декарта. И поэтому он встраивает его в этот реконструктивный метод, подобный тому, который, по-видимому, он обнаружил у Галилео.

Итак, у вас есть такой методологический подход. Теперь добавьте к нему еще одно методологическое предположение. Предположение, которое я приведу здесь, поскольку оно относится ко всему методу.

Предположение методологического натурализма. Иными словами, мы будем исходить из предположения, что всё можно объяснить с помощью естественных

причинно-следственных процессов. Предположение состоит в том, что всё объяснимо с помощью причинно-следственных процессов.

Причина, следствие, причина, следствие, причина, следствие. Именно поэтому все науки объединены методологически. Методы, которые изначально применялись в физике и астрономии, будут применяться в психологии и политике.

Видите? Таким образом, обеспечивается методологическая преемственность на протяжении всего текста. Теперь, чтобы понять, насколько серьезно он к этому относится, взгляните, если хотите, на антологию. Да, на новую антологию.

Страница 87. Страница 87. Здесь вы заметите, что заголовок главы посвящен нескольким предметам знаний.

Итак, весь спектр знаний. И посмотрите на эту великолепную диаграмму. Где всеобъемлющая тема в крайнем левом углу, наука, — это знание о последствиях, которое называется философией.

Как мы уже отмечали вчера, точнее, в прошлый раз, наука и философия были примерно синонимами до 1900 года. Наука означает своего рода теоретическое знание, и точка. То есть знание последствий.

О чём? О причине, следствии, последствиях. Хорошо. Но затем он делит весь этот объём знаний на две части.

Выводы из случайностей природных тел, называемые естественной философией, — это то, что мы называем естественной наукой. А выводы из случайностей политических тел, политического сообщества, — это то, что мы называем политикой или гражданской философией. Теперь, если вы посмотрите на диапазон естественной философии, перейдите в правый столбец и заметите, что он простирается от фундаментальной философии, которая является основным понятием бытия, до геометрии, арифметики, астрономии, географии, другими словами, математики.

Затем переходим к физическим наукам, к механике и ее применению в инженерии, архитектуре, навигации и метеорологии. Далее — к сциографии, тому, что мы бы назвали астрономией, а затем к астрологии, изучению влияния звезд. С нашей точки зрения, это интересная область.

Но оптика, музыка — да, физика музыки. Этика — да, она связана с человеческими страстями. Другими словами, он видит психологические причины морального поведения и моральных желаний.

Хорошо. Поэзия, риторика, логика и наука о справедливом и несправедливом. Да, это последствия речи, то, что мы делаем с помощью речи.

О, мы не просто доставляем удовольствие, как, например, джентльмен эпохи Возрождения доставлял удовольствие своей даме поэзией. Если вы знакомы с литературой эпохи Возрождения, вы это поймете. Не только доставляемое удовольствие, но и убеждающее, убедительные функции, то есть причинно-следственная связь.

Да, рассуждение — это важно, обратите на это внимание, когда мы будем говорить о рассуждениях через несколько минут. Это причинно-следственный процесс. Он контролируется мозговыми процессами.

А этика — следствие некоторых психологических причинно-следственных процессов. Таким образом, всё сводится к причинно-следственной связи. А если посмотреть на второй раздел, где речь идёт о политических образованиях, то там мы видим последствия существования государств.

Обратите внимание, что термин «содружество» — это термин, который Оливер Кромвель использовал для обозначения формы политического устройства, которое он создал. Кромвельское содружество. Содружество означает общее благо.

Таким образом, гражданская философия, политическая философия, занимается не индивидуумом, а общим благом. И, следовательно, последствиями этого для обязанностей и прав, а значит, и для законодательства и так далее. Поэтому различие заключается просто между отдельными физическими существами и политическими образованиями.

Но на протяжении всего текста преобладает причинно-следственная связь, причинно-следственная связь, методологический натурализм. Конечно, это поднимает интересный вопрос: является ли он не только методологическим натуралистом, но и философским натуралистом? Является ли он, с метафизической точки зрения, материалистом? Ведь всё, что он будет исследовать, по сути, — это материя и силы, вызывающие изменения в материальных телах.

Материя и движение, механистический взгляд. Это наука. Но является ли он тогда материалистом? Что ж, это хороший вопрос.

Вполне верно, что вопрос вполне уместен: он действительно детерминист? Или он просто исследует причинно-следственные процессы? Да, сэр. Я склонен считать его материалистом. Ага.

Похоже, есть указание на то, что, хотя он утверждает, что вера в Бога естественна, поскольку мы должны задать вопрос о причине всех других причин, о существовании Бога как первопричины, с другой стороны, разум ничего не говорит о природе Бога. По принципу причины и следствия мы не можем ничего утверждать о природе Бога, кроме того, что существует эта могущественная первопричина. И он, кажется, указывает на то, что рассматривает Бога в некотором смысле как материальное существо.

И, конечно же, эта традиция восходит к стоикам, не так ли? Идея о некой разреженной материальной сущности, пронизывающей всё, влияющей на всё, и тому подобное. В таком случае, Томас Гоббс, по-видимому, является своего рода теистическим материалистом, христианским материалистом. То же самое относится и к его взгляду на человеческую душу.

Ну, кое-что подобное было и у Тертуллиана, помните, который опирался на стоическую философию, пытаясь противостоять гностическому дуализму того времени. У Томаса Гоббса тоже, и иногда такое встречается. Но в то же время влияние его христианства продолжает проявляться во всем его мышлении.

Итак, если вы посмотрите на страницу 90, обратите внимание на то, что он говорит. Вторая колонка на странице 90, примерно посередине. Любопытство, или любовь к познанию причин, побуждает человека от рассмотрения следствия искать причину и постичь причину этой причины, пока в конце концов он неизбежно не придет к мысли, что существует некая причина, у которой нет прежней причины, но которая вечна, и которую люди называют Богом.

Поэтому невозможно провести глубокое исследование причин природы, не придя к убеждению в существовании единого вечного Бога. И в самом низу страницы, благодаря видимым вещам мира и их удивительному порядку, человек может предположить, что существует их причина, которую люди называют Богом. Видимые вещи творения ...

Вспомните фразу, которую Павел использует в Послании к Римлянам, глава 1. Но затем, в конце первого абзаца, на 91-й главе, он говорит: «Этот страх перед невидимым порождает такие вещи, как Бог, этот страх перед невидимым... помните, это тема, которая проходила через Лукреция и Эпикура, их материализм. Этот страх перед невидимым — естественное семя религии». Эта фраза, «семя религии», латинское *semen religionis*, — это та самая фраза, которую использовал Джон Кальвин в первых главах своих «Институтов христианской веры», объясняя широко распространенную среди людей веру в Бога.

В нас заложено нечто вроде семени религии, благодаря некоему неопределенному ощущению божества. Существует *sensus deitatis*, ощущение

божества, которое и является семенем религии. Теперь вы понимаете, что делает Гоббс, по сути, развивая это убеждение.

На самом деле, его воспитание было связано со смертью родителей; его воспитывал англиканский священник, кальвинист. Поэтому он, несомненно, был знаком с образом мышления Кальвина. И, похоже, он утверждает, что это причинно-следственное исследование приводит к некоему смутному представлению о первопричине, к ощущению божества, которое, в свою очередь, является причиной развития религии, в которой, конечно же, отдельные религии гораздо полнее раскрывают концепцию Бога.

Таким образом, в религиях формируется некое общее, неопределенное представление о Боге, которое порождается универсальным ощущением некоего божества. Поэтому в начале следующей главы, озаглавленной «О религии», он говорит: «Поскольку нет ни знаков, ни плодов религии, кроме как в человеке, нет причин сомневаться в том, что семя религии находится только в человеке и состоит в каком-то особом качестве или какой-то выдающейся степени этого качества, не встречающейся у живых существ». Этот вид исследования, любопытства, приводит его к размышлениям о естественном состоянии человека, которое могло бы породить это.

И вот он переходит к рассуждениям о человеческой природе. Такова модель мотивации, метод, используемый Гоббсом. Есть вопросы? Заходите.

Мне кажется, это захватывающая предыстория, совершенно захватывающая. О, я так думаю. На самом деле, есть один писатель, который считает это главной мотивацией.

Некоторые даже утверждают, что он написал «Левиафана», главный труд по политической мысли. Он написал его в изгнании во времена Кромвеля. Он написал его в изгнании, пытаясь примириться и спасти свою шкуру как с Кромвелем, так и со Стюартами.

Да, сэр? Вот он, пытается играть на два фронта. Да-да. От Бэкона он перенял индуктивный подход к пониманию причинно-следственного порядка, того, что Бэкон называл формами в своем понимании форм.

Закономерности, конечно, влияют на взаимоотношения. Он черпает вдохновение у Декарта, Галилео, идеал дедуктивной системы. К этому он добавляет свой методологический натурализм, обобщение, согласно которому всё объяснимо в этих терминах.

И вот он уходит. Это справедливо, эти три ингредиента. Хорошо, а как это на самом деле работает? И прежде всего, к этому нужно подходить с точки зрения его эпистемологии.

И это довольно легко проследить в антологии. То, как он проводит нас через весь процесс происхождения и развития человеческой мысли, начиная с ощущений. И, учитывая то, что я сказал о методе, очевидно, что он начнет именно с этого.

Во-первых, он эмпирист. Но если его интересуют причинно-следственные механизмы, то о первом нашем сознании мы можем начать говорить. Причинами являются наши физические ощущения. Физические ощущения вызваны чем-то физическим во внешнем мире.

Таким образом, он рассматривает все наши ощущения как следствие физических процессов во внешнем мире, затрагивающих человеческое «я». Иными словами, в частном порядке, и я подчеркиваю «частном», потому что он будет номиналистом. Влияние Оккама явно прослеживается в работах Гоббса.

Хорошо? Определенные объекты обладают определенными свойствами, которые вызывают изменения в наших органах чувств, нервной системе и мозге, и этот стимул вызывает рефлекторные реакции со стороны того, что он называет сердцем. Вы знаете, как ваше сердце бьется в ответ на соответствующий стимул? Реакции, вызванные сердцем при мысли, явном действии или и том, и другом. Таким образом, у него есть чисто причинное объяснение, в котором наши ощущения, наши образы, которые он называет фантомами, наши ощущения, наши образы, фантомы, являются психическими состояниями с чувственными качествами.

Эти фантазмы предполагают осознание как первичных, так и вторичных качеств. И это различие становится решающим в эмпиризме с этого момента. Первичные качества — это качества, которыми обладают объекты и тела.

Итак, в механистической науке того времени, что же тогда будет называться ньютоновской наукой, каковы внутренние свойства физических объектов? Что же представляет собой материя? Материя обладает лишь пространственными свойствами: размером, формой, плотностью, весом и пространственной заселенностью. И, следовательно, именно эти свойства являются её основными качествами.

Но эти основные качества, качества, которыми обладают тела, способны вызывать дополнительные эффекты в сознании, так что мы видим не просто формы, а цветные формы. Не просто поверхность, а ощущаем шероховатую или

гладкую поверхность. Не просто тело, движущееся с места на место, но и издающее звук в нашем сознании.

Таким образом, вторичные качества — это качества, зависящие от пяти видов наших чувственных способностей. Цвет — связан со зрением. Звук — связан со слухом.

Текстура, связанная с осязанием. Вкус и обоняние. Пять чувств.

Суть его замечания в том, что когда мы говорим о цветной рубашке, например, о моей синей рубашке, нам кажется, что она синяя, но на самом деле рубашка не синяя. Скорее, рубашка заставляет вас видеть синий цвет. Она кажется вам синей, но на самом деле это не так.

Хорошо? Речь идёт о том, что становится известно как субъективность вторичных качеств. Объективность первичных качеств. Именно это позволит нам, когда мы доберёмся до Беркли, задать вопрос: «Издаёт ли дерево, упавшее в лесу, когда никого нет рядом, чтобы услышать, какой -либо шум?» Потому что если шум — это вторичное качество, то он субъективен.

Есть ли шум? Это шум, когда его никто не слышит? Никто, на кого звуковые волны воздействуют в сознании. Значит, ощущение — это начало. Теперь, после прекращения причины, вы перестаёте смотреть на мою рубашку, но у вас всё ещё остаётся мысленное изображение моей рубашки.

Это всего лишь результат процессов распада, изменений в органах чувств и мозге. Это то, что он называет воображением. Обратите внимание, что термин «воображение» на данном этапе означает не что иное, как наличие мысленных образов.

Наличие мысленных образов. Идея воображения как творчества появляется лишь в эпоху романтизма, в XIX веке. Это началось с таких людей, как Кант, но в эпоху Просвещения это понятие не получило должного понимания.

Воображение — это просто оставшиеся образы, которые отмирают, путаются, смешиваются друг с другом, как, например, мой образ жирафа-феи с крыльями бабочки, в котором смешиваются всевозможные другие, постепенно исчезающие образы. Так что, воображение — это работа в бодрствующем состоянии, когда мы что-то вспоминаем, и образ приходит нам на ум.

Или во сне, когда нам снятся довольно яркие сны. Все это — затухающие чувственные образы. И он переходит от этого к тому, что называет разумом.

Рассуждение. Что такое рассуждение? На сознательном уровне рассуждение — это просто процесс, в котором одна идея сменяется другой. Если я скажу: 2 плюс 2 равно... В итоге получится 4. 2 плюс 2 равно 4. Но, видите ли, этот мыслительный процесс вызван активностью мозга.

Мозг тем или иным образом объединяет то, что должно быть объединено, и разделяет то, что должно быть разделено. Таким образом, именно благодаря причинно-следственным процессам причинный стимул 2, за которым следует добавленный причинный стимул 2, порождает причинный стимул к идее 4. Следовательно, рассуждение — это исключительно процесс, определяемый причинами мозга. Понятно? Причины мозга.

У нас нет возможности генерировать идеи, потому что сознание — это исключительно побочный продукт мозговых процессов. Поэтому в сознании нет врожденных идей. Нет априорного знания, независимого от причинно-следственных процессов, порождающих ощущения.

Таким образом, его чистый эмпиризм утверждается. Но что насчет языка? Что насчет языка? Вот здесь номинализм становится явным. Потому что он прямо говорит, что слова — это всего лишь частные знаки, обозначающие группы частных вещей .

Так, в своем труде, не в «Левиафане», а в «Началах философии», он говорит, что универсальность одного имени, одного имени, примененного ко целому классу вещей, универсальность одного имени стала причиной того, что люди считают, что вещи сами по себе универсальны. Но очевидно, что нет ничего универсального, кроме имен, которые называются неопределенными, неопределенными существительными. Потому что мы не ограничиваем их, а оставляем на усмотрение слушателя.

Но «универсальный» — это всего лишь конкретное название, которое применяется ко всей группе без разбора. Применяется ко всей группе без разбора. И он очень, очень ясно об этом говорит.

Он утверждает, что абстрактных названий не существует. Таким образом, он отвергает концептуализм. Мы не даём названия абстрактным идеям.

Мы имеем дело просто с общими представлениями. Слова, по сути, обозначают целые группы вещей в целом на основании их сходства. Но без отсылки к какому-либо универсальному понятию, абстрактно представленному в сознании.

И, конечно же, без ссылки на какой-либо реальный универсал. Так что он явно номиналист. Хорошо.

Понятно ли это? Обратите внимание, насколько он верен своему методу. Начнём с методологического предположения. Причинно-следственные объяснения всего.

Начинаем с ощущений, которые формируются такими, какие они есть. Мозговые процессы, нейронные процессы, вызывают все, что из этого следует. А использование языка, знаков — это просто часть механизмов реагирования.

В механизмах «стимул-реакция» опыт взаимодействия с миром порождает ответную реакцию. Вербальные ответы. А сложные реакции, которые демонстрируют люди, связаны с языком.

Независимо от чувственного опыта. Да. Если всё является причинно-следственной связью через физические процессы, то не может быть идей, возникающих независимо от причинно-следственных процессов.

Иллюстрация... Да. Да. Да.

Нет. Я думаю, нет никакой магии в том, чтобы использовать в качестве примера синий цвет, а не желтый, красный, черный или белый. Да.

Да. Я не думаю, что они знали о проблеме пигментации. Однако, стоит отметить, что, возможно, есть определенный смысл в том, что в качестве основного примера, когда мы говорим о первичных и вторичных качествах, используется именно цвет.

То есть, речь идёт о зрении, о восприятии света. Потому что, когда речь идёт о зрении и восприятии цвета, гораздо проще сказать, что цвет субъективен, учитывая физику цветового зрения. С чувством вкуса или осязания может быть немного сложнее.

Да. Да. Это уже совсем другое дело.

Хорошо. Дэвид. Как бы ты сказал, что это более... Ну, видишь ли, «семя религии» — это следствие, тот факт, что религии возникают из некоего семени, является следствием ощущения божества, некой идеи первопричины.

Но это ощущение божества само по себе является результатом причинно-следственного исследования, благодаря которому мы постоянно спрашиваем: какова причина этой причины? И отталкиваемся от неё на самом раннем этапе? Да, сэр? То есть, он говорит, что этот тип мышления настолько характерен для человека, я бы сказал, настолько присущ человеку, настолько характерен, что мы отталкиваемся от него на самом раннем этапе, придумываем идею Бога, и

это является причиной ощущения божества, причиной религии. Теперь, почему для людей так естественно мыслить причинно-следственно? Я подозреваю, что это просто потому, что мы с самого начала сталкиваемся с причинно-следственными процессами. Я имею в виду, что даже самые маленькие дети вскоре начинают понимать, что определённые их действия вызывают определённые реакции.

Да, сэр? Я помню, когда нашему внуку было около трех месяцев, я лежал с ним на полу, склонился над ним, подошел к нему, он посмотрел на меня, показал, знаете, причинно-следственную связь. Они осознают это с самого начала. Так что мы учимся этому принципу «причина-следствие».

Это заложено в том, как мы воспринимаем окружающий мир. Поэтому он дал бы сугубо эмпирическое объяснение. Для этого не нужна кантовская категория причины и следствия.

Итак, это лишь основы. Теперь перейдем к тому, к чему он стремится. Видите ли, учитывая его мотивы, он хочет поговорить о политической системе, об этике и политике.

Но он переходит к этому, говоря о человеческой личности и выдвигая это понятие сознания, потому что все эти разговоры об ощущениях, воображении, рассуждениях и использовании языка предполагают наличие сознания. Что бы вы ни говорили о человеке в материалистическом описании человеческой природы или в любом другом, у людей есть сознание. В чем причина сознания? Вот в чем вопрос.

Он утверждает, что сознание — это всего лишь побочный продукт, эпифеномен. То есть, это явление, порожденное телесным существованием или добавленное к нему. Да, сознание — это всего лишь побочный продукт мозговых процессов, так же как ощущения являются побочными продуктами мозговых процессов, а рассуждение — побочным продуктом мозговых процессов.

Таким образом, всё сознание является побочным продуктом мозговых процессов. Физические изменения порождают сознание. Иногда это происходит напрямую, как в случае с ощущениями.

Иногда косвенно, например, когда причинные процессы, физические изменения, вызывают произвольные физические эффекты, так что мы автоматически дышим, и возникают физические рефлексы, которые производят наши нервы и конечности, и которые мы осознаем постфактум. Понимаете? Так что иногда первопричина напрямую порождает состояния сознания. Иногда — косвенно.

Среди возникающих состояний сознания — желания и отвращения. Желания и отвращения. Возможно, идеи Томаса Гоббса вызывают у вас отвращение.

Возможно, дело в влечениях. Понимаете ? Но суть в том, что переживания не просто отражают когнитивное содержание. Их физиологическое воздействие на нас таково, что они вызывают эмоциональную реакцию.

Он считает мозг средоточием сознания, ощущений, мыслей, а сердце — средоточием отвращения и желания, эмоций . И именно из этих желаний мы, исходя из этих желаний, действуем, так что человеческие действия не подчиняются разуму. Человеческие действия подчиняются страстям, эмоциям и желаниям.

И это, опять же, кажется естественным следствием его образа мышления. На странице 85 вы можете увидеть, как он перечисляет всевозможные желания. И вы можете увидеть, что у него довольно хорошо разработанная психология эмоций.

И это поднимает вопросы о свободе и детерминизме. О свободе и детерминизме. И он говорит о свободе в двух смыслах.

Во-первых, когда я свободен от внешних ограничений, свободен делать то, что хочу, это и есть свобода. Хотя мои желания и порождают мои действия, желания порождают мои действия, мои действия обусловлены. Но он понимает свободу как самоопределение, внутреннюю самодетерминацию, вызванную моими собственными желаниями, аппетитами, страстями.

Он немного затрагивает второе чувство свободы, когда мы принимаем решение . Принимаем решение . Но что значит принять решение ? Это выбор.

Свобода выбора. Что это? Ну, бывают моменты, когда наши желания меняются. Что я закажу из этого меню? Что я возьму там, в Андерсон Коммонс? Вам предстоит сделать выбор.

И в этом чередовании желаний вы сначала движетесь в одном направлении, затем в другом, словно качаясь, балансируя между ними. В сознании вы размышляете. Ну, я хочу этого, потому что, но я бы хотел этого, потому что, и размышление продолжается.

Выбор — это просто ситуация, когда одно желание перевешивает другое. В этих эмоциональных качелях вы просто уступаете одному желанию, и последнее желание побеждает, и вы говорите, что выбрали именно его. Таким образом, ощущение свободы выбора — это всего лишь побочный продукт неоднозначности ваших собственных желаний.

Ощущение беспричинности возникает из-за чередующихся желаний. Но вы не свободны в смысле беспричинных действий, беспричинных выборов. Внутри вас присутствует детерминизм, пронизывающий всё.

Это иногда называют мягким детерминизмом. Именно на этом основании он и предстает как психологический эгоист. Психологический эгоист — это тот, кто преследует собственные интересы, и это эмпирическое обобщение. Эгоизм — это точка зрения, согласно которой... Эгоизм — это преследование собственных интересов.

В первую очередь, главным образом, в конечном счете стоит эгоизм. Психологический эгоизм — это всего лишь описательное утверждение. Это психологический факт, мы так и делаем.

В отличие от этического эгоизма, который утверждает, что мы должны так поступать. Он психологический эгоист. Он не говорит, что мы должны преследовать собственные интересы.

Нет. Более того, позже он это опровергнет. Но он — психологический эгоист.

Мы действительно преследуем собственные интересы. Нами движут наши страхи. Нами движет стремление к самосохранению.

Эгоизм. То, чего мы желаем, мы считаем благом. То, что нам не нравится, мы считаем злом.

Таким образом, хотя у нас могут быть некоторые общие блага, такие как выживание, у нас также много совершенно разных благ и зла. И поэтому между нами существует много этического релятивизма. Но нас постоянно тянет к неутолимому стремлению к власти, необходимой нам для выживания.

Власть. Да. Так что жизнь превращается в борьбу за власть, понимаете.

И что же даёт власть в этой борьбе за власть? Что говорил Бэкон? Знание — сила. Научное знание — сила. Если вы знаете и понимаете причинно-следственные процессы, то сможете выжить.

Как? Ну, видите ли, он проводит различие. Он проводит различие между естественным состоянием и естественным правом. Естественное состояние — это состояние конфликта, борьбы за власть и войны против всего сущего.

Жизнь мерзка, коротка и жестока. Нет никакого естественного права, кроме желания выжить. Нет никакого естественного закона в понимании Фомы Аквинского, основанного на некой внутренней телеологии.

Нет, это механистическая вселенная. Причинно-следственные процессы определяют всё. Что же тогда он подразумевает под естественным законом? Он подразумевает предписания здравого смысла.

Слышали ли вы эту фразу? Уильям Ака, предписания здравого смысла. Другими словами, консеквенциалистское мышление. Да? И вы можете мыслить консеквенциалистски.

Вы можете рассуждать здраво, если понимаете причинно-следственные процессы. Таким образом, знание, в данном случае здоровое рассуждение, о последствиях человеческих действий — это сила. И какие же естественные законы устанавливает здоровое рассуждение из благоразумия и ради самосохранения? Во-первых, стремитесь к миру.

Ну, вы можете свалить вину на гражданскую войну, или на войну с Испанией, или на религиозный конфликт, или на то, что он живет в изгнании. Да ладно, помириться с Кромвелем. Ищите мира.

Во-вторых, соблюдайте договоренность с другими. Заключая соглашение, договор, соблюдайте его. И он продолжает, поэтому предлагает, чтобы в политическом сообществе существовала некая договоренность, которую мы, руководствуясь здравым смыслом, будем соблюдать.

Завет, в котором мы передаем власть абсолютному правителю. Кромвель был таким же абсолютным правителем, как и Карл. Но мы передаем власть, если хотите, по завету, по договору, абсолютному правителю, который обладает полной властью над нами, за исключением случаев, когда он пытается нас уничтожить.

В этом случае приоритет отдается стремлению к самосохранению. Но поскольку договор заключается ради самосохранения, абсолютная власть переходит к правителю и к тому, что он говорит. Таким образом, вместо божественного права королей, видите ли, у нас есть договорная основа, если хотите, основа общественного договора, для политической власти.

И этот правитель обладает властью в вопросах религии. Помните, я говорил, что Гоббс был последователем Эраста? Законы Божьи обязательны для нас, да, в силу здравого смысла, прямого откровения или авторитета тех, кто облечен властью. И именно толкование правителя определяет, какими будут Божьи заповеди, каковы они на самом деле.

Авторитетное толкование правителя разрешит религиозные споры. И таким образом он пришел к выводу, который пытался установить. Да, сэр? Нам нужен способ выживания в условиях политического конфликта.

Нам нужен способ выживания в условиях религиозных конфликтов. Преодоление сектантства. Партийных настроений.

И вот к чему приводит здравый смысл, учитывая последствия. Что ж, жаль, что у нас нет десяти минут, чтобы это обсудить. Интригующе? Да, чрезвычайно influentially.

Пессимистический взгляд. Некоторые предполагают, что это связано с тем, что он воспитывался на кальвинистской доктрине полной развращенности. Я же думаю, что это потому, что он вырос во времена конфликтов.